

Д 93

P-P

424

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Н. ДЬЯЧЕНКО

**ДЕТСКАЯ ТЕМА
И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА
В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА**

(№ 640, русская литература)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

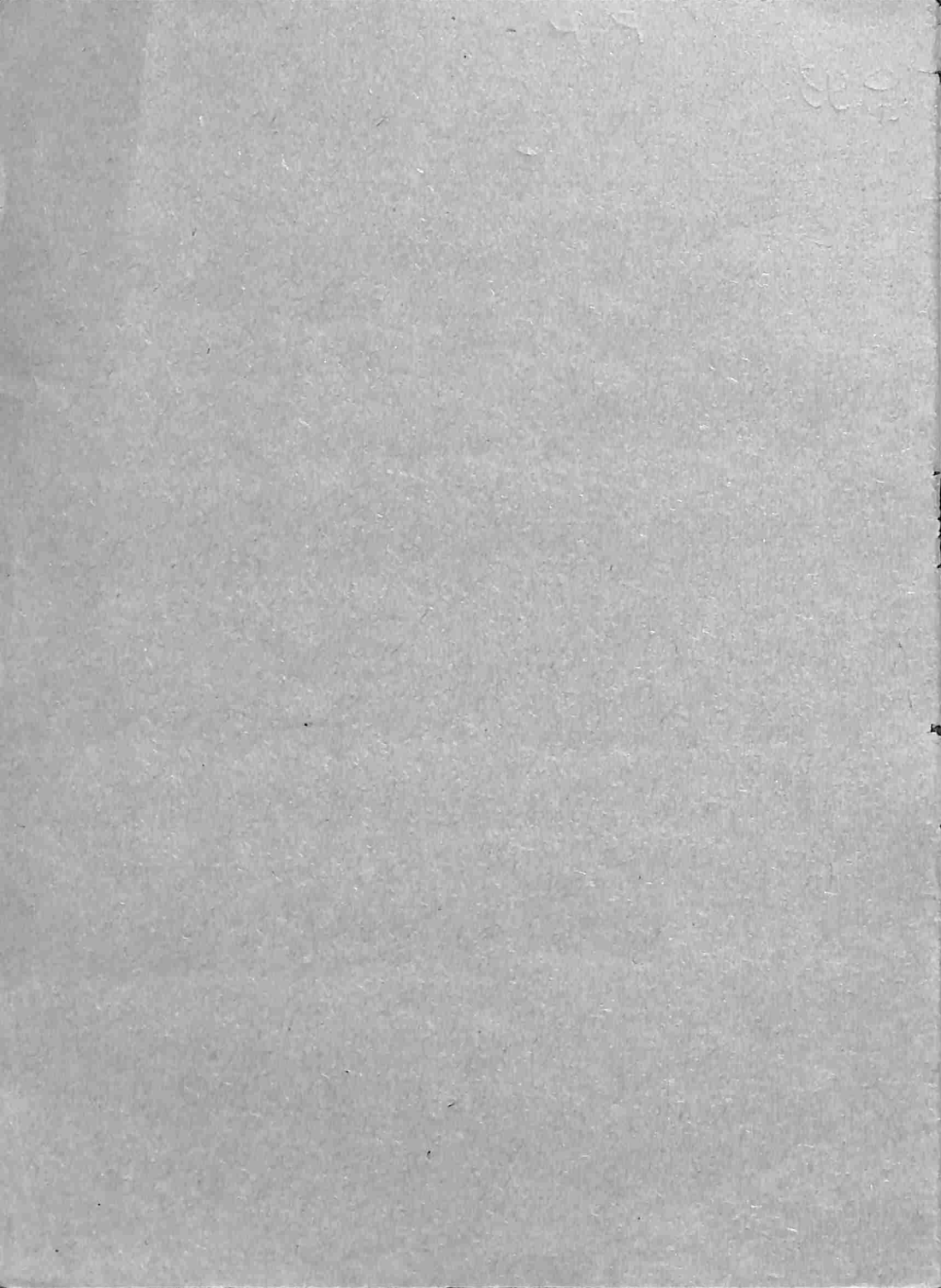
диссертации на соискание **ученой степени**
кандидата филологических наук

КИЕВ. 1969

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313035

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Н. ДЬЯЧЕНКО

ДЕТСКАЯ ТЕМА
И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА
В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА

(№ 640, русская литература)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

КИЕВ. 1969

Работа выполнена в Киевском педагогическом институте имени А. М. Горького.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор **Д. В. Чалый.**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, старший научный сотрудник института литературы АН УССР **М. И. Пригодий;**

кандидат филологических наук, доцент **М. Х. Гин.**

Внешняя рецензия Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Автореферат разослан «...» . . . . . 1969 г.

Защита диссертации состоится «...» . . . . . 1969 г. на заседании совета филологического факультета Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького (Киев-30, Бульвар Шевченко, 22/24).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь совета.

Н. А. Некрасов на протяжении всего творческого пути непрерывно создавал многочисленные произведения различных жанров о детях и для детей. Уже это говорит, сколь существенной для его творчества является данная проблема. Каждое произведение, относящееся к избранной теме, многократно и всесторонне исследовано в некрасоведении.¹ Однако еще нет такой работы, в которой прослеживался бы путь Некрасова как детского поэта-демократа в связи с эволюцией его творчества, в связи с развитием его реализма, на общем фоне русской литературы.

Впервые детскую тему в творчестве Некрасова затронули в своих исследованиях В. Львов-Рогачевский (1909), С. А. Андреевский (1913) и В. Брусняин (1915). Но дооктябрьское литературоведение не сумело решить проблему «Некрасов и дети», так как не связывало ее с социально-исторической почвой, исходило из неверных методологических позиций.

После Октябрьской революции значительно возросло количество работ, в которых с различной степенью полноты и глубины, в основном правильно освещались многие стороны названной проблемы. Одним из первых значительных трудов о Некрасове — детском писателе — была статья В. В. Голубкова.² Однако Голубков основное внимание уделяет только тем периодам, когда Некрасов писал для детей, и поэтому не показывает закономерности обращения поэта к детской тематике в ее органической связи с эволюцией всего творчества. После Великой Отечественной войны было опубликовано несколько популяризаторских статей и очерков по интересующей нас теме (П. Козлова, В. Е. Евгеньева-Максимова, А. И. Кондакова и др.).

¹ См. работы В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского, М. М. Гина, С. А. Червяковского, К. В. Мальцевой и другие.

² В. В. Голубков, Некрасов как писатель для детей, Ученые записки кафедры детской лит. Мосгоспединститута, вып. I, М., 1939.

Заметным событием в науке о детской литературе стала книга А. П. Бабушкиной.¹ Но и в этой книге нет цельного историко-литературного портрета Некрасова как детского писателя-реалиста в его непрерывном развитии. В 1957 году для педучилищ издано пособие «Детская литература»,² в котором автор главы о Некрасове С. Шиллегодский частично показал, как демократизируется поэзия Некрасова для детей, а ее художественный уровень возрастает. Но возможности раскрытия темы ограничены в книге рамками учебной программы. В 1960 г. с содержательной статьей «Некрасов и дети» выступил С. А. Червяковский.³ При всех достоинствах в освещении отдельных вопросов и эта статья не раскрывает до конца названной проблемы.

Автор диссертации ставит своей задачей проследить почти 30-летний творческий путь Некрасова-реалиста к вершинам детской поэзии в связи с общей эволюцией его творчества, с развитием реализма в русской литературе.

В 40-е годы XIX века, когда началась деятельность Некрасова как детского писателя, одной из центральных проблем передового искусства и общественной мысли становится зависимость человеческой личности от обстоятельств жизни. Этого требовало и развитие передовой философии эпохи, которая в лице Белинского и Герцена утверждала основы материалистического миропонимания; этого требовало развитие всего передового искусства, для которого человеческая личность являлась продуктом социального бытия.

При таких условиях изображение детства, той поры, когда происходит становление характера, формирование человеческой личности, становилось особенно актуальным как в социально-философском, так и в эстетическом аспектах, о чем свидетельствуют произведения многих писателей, в том числе «Детство Обломова» Гончарова, «Петербургские шарманщики» Григоровича и др. С этой точки зрения показателна повесть Шевченко «Близнецы», в которой рассказывается, как родные братья, воспитанные в различных условиях, становятся совершенно раз-

---

¹ А. П. Бабушкина, История детской русской литературы, Учпедгиз, М., 1948 (книга не закончена из-за смерти автора).

² С. В. Алексеева, Е. П. Брандис и др., Детская литература, Учпедгиз, М., 1957.

³ Некрасов в школе, Сб. статей, Изд. АПН РСФСР, М., 1960.

ными людьми. Как видим, детская тема занимает одно из ведущих мест, она становится в центре внимания многих передовых писателей той поры, что свидетельствует о ее значимости в развитии русской литературы по пути реализма. И Некрасов одним из первых почувствовал это, одним из первых начал прокладывать в этом направлении пути.

Насколько тема жизни детей стала важной для самого Некрасова, для его реализма, видно из того, что поэт довольно часто обращается к разработке одних и тех же образов детей в разных произведениях (Карлуша из «Трех стран света» и маленькие каторжники из «Плача детей»; Павлуша из того же романа и вор из одноименного стихотворения и др.). Некрасов, глубоко понимая огромную силу поэтического слова, затрагивает наиболее важные вопросы жизни молодого поколения, создает многочисленные потрясающие картины страдания детей, связывая все это с общим укладом жизни.

Несмотря на кажущийся непроглядным мрак самодержавно-крепостнического государства, Некрасов верил в светлое будущее России и всем своим творчеством подсказывал путь, к которому должно было готовить себя новое поколение. Так в центре внимания поэта оказалась проблема гражданского воспитания.

Диссертация состоит из введения, двух частей и краткого заключения. В конце приводится список литературы, непосредственно относящейся к нашей теме.

Часть I: «Формирование Н. А. Некрасова как детского писателя в 40—50-е годы XIX века».¹

Попавший в конце 1830-х годов в жестокую материальную нужду и зависимость от петербургских издателей, Некрасов, по собственному признанию, сочинял «из-за хлеба много дряни». Естественно, что молодой писатель слабо разбирался в литературных течениях и достоинствах многочисленных литературных жанров, с которыми торопливо знакомился. Вероятнее всего, Некрасов пошел за модой (водевилем) и создал свои первые

¹ Главы: «Пьесы и сказки Некрасова для детей 1840—1841 годов», «Дети городской бедноты в творчестве Некрасова», «Некрасов и вопросы гражданского воспитания».

крупные произведения для детей именно в драматическом жанре. Это были пьесы «Великодушный поступок», «Юность Ломоносова», Федя и Володя» (все 1840 г.) и «Дедушкины пугаи» (1841). Увлечение начинающего Некрасова детской тематикой в известной мере объясняется его службой в пансионе. Но, несомненно, были и иные, более существенные стимулы, в силу которых автор не оставляет эту проблему на протяжении всей его литературной деятельности.

О большой потребности в детском чтении свидетельствует факт, что в России в то время издавалось немало детских журналов. Но все они, в том числе и взятый для примера популярный журнал «Звездочка», не отличались высокими идейно-художественными качествами. Естественно, что и произведения начинающего Некрасова какое-то время испытывали их влияние. Но нельзя забывать, что на Некрасова благотворно влияла вся литературно-историческая обстановка 40-х годов, и это влияние обнаруживается в проявлении некоторых, правда, еще слабых симптомов реализма уже в самых ранних его произведениях для детей — пьесах и сказках. Эти реалистические нотки прорываются даже сквозь те рамки, которые накладывала на Некрасова зависимость от «мнения глупца или торгаша» — издателя.

В изданиях Некрасова 1937 и 1949 годов, как и в рукописи, первой идет «Юность Ломоносова», в которой начинающий драматург некоторыми взглядами и художественными приемами уже пытается проявить свое настоящее «некрасовское» лицо. По выражению Голубкова, «Юность Ломоносова» была «наиболее богатой данью романтизму среди произведений этого рода». Но мы имеем здесь дело с романтизмом, далеким от романтизма сборника «Мечты и звуки». Поскольку сам предмет изображения чрезвычайно романтичен, то мы скорее встречаемся с реалистическим изображением романтического героя. К тому же пьеса — не просто биография. В ней наблюдается некоторая тенденция к художественной типизации, к обобщению с демократических позиций. Бесспорно зная подлинную биографию Ломоносова, Некрасов все же показывает родителей Михайлы не зажиточными поморами, а бедными крестьянами. Желая подчеркнуть раннее стремление крестьянской молодежи к знаниям, автор отправляет своего героя в поисках науки значительно в более младшем возрасте, чем это было в действительности и т. п.

Как видно из пьесы, влюбленность юного Ломоносова в чтение и гордость Михайлы своим крестьянским происхождением Некрасов выпячивает для того, чтобы подчеркнуть его чувство социального достоинства. Это обнаруживает не только проявляющиеся демократические симпатии Некрасова, но и правильное понимание им агитационного значения образа «мужика» Ломоносова для всего русского народа и прежде всего для современного крестьянства. Михайла наделен чертами, типичными для многих будущих героев Некрасова. Желание помогать отцу сближает его с «малюточкой Власом» («Крестьянские дети»), восхищение картинками в книжках — с «Феклушей-сироткой» («Дядюшка Яков»), тяга к знаниям — с знаменитым «школьником» и т. п. «Юность Ломоносова» значительна и тем, что в ней Некрасов впервые затронул проблему крестьянских детей, ставшую впоследствии составной частью одной из центральных тем его творчества — темы русского крестьянства.

Актуальные педагогические вопросы затрагивает Некрасов в «Великодушном поступке», в частности, совершение школьником проступка и осознание им своей вины перед коллективом. Здесь в какой-то степени отразились реалистические черты быта пансионеров. Так, сам факт мести учеников ненавистному учителю, несомненно, взят из жизни, а отдельные нотки, напоминающие Помяловского, звучат в показе обстановки в классе, поведения учеников и т. п. Удачей можно признать образ отрицательного персонажа Вани.

В водевиле «Федя и Володя» Некрасов с откровенной насмешкой развенчивает характерное для первой половины XIX века воспитание типичного русского барчонка в ложно-джентльменском духе с помощью гувернера-иностранца. Именно такое критическое изображение дворянства характерно для реалистической литературы гоголевского направления, и поэтому нельзя полностью согласиться с утверждением, что оба водевиля «весьма наивны по мысли и выполнению» (В. Евгеньев-Максимов и др.). Наоборот, «по мысли» водевили представляют определенную ценность, так как автор пытается небезуспешно решить в них злободневные вопросы, а сам жанр развлекательно-го спектакля использовать для серьезных воспитательных целей, связав нехитрое содержание с критикой современного общества, которое, как в кривом зеркале, отразилось в детской среде.

Это подтверждает водевиль «Дедушкины попугаи», где сквозь внешнюю безобидную развлекательность содержания пробивается острая ирония, направленная против того же дворянства. В этой иронии угадывается будущий Некрасов-сатирик. В водевиле Некрасов пародирует аристократические пансионы в целях сатирического осмеяния закрытых учебных заведений, в которых детей дворян всячески оберегали от столкновения с реальной жизнью и воспитывали в узком кастовом кругу.

К числу наиболее неудачных ранних детских произведений Некрасова критика справедливо относит сказки 1840 года, хотя тоже несколько приуменьшает их значение в творческом развитии поэта, упрекая больше всего за подражательность. Но если в «Мечтах и звуках» Некрасов подражал Жуковскому и Бенедиктову, то всего через несколько лет в сказках он пошел за поэмами и сказками Пушкина. Обращение к Пушкину, пускай пока внешнее, уже нельзя назвать отрицательным и следует, на наш взгляд, объяснять как мотивами учебы у великого поэта, так и тягой молодого Некрасова к русскому фольклору, которым насыщены пушкинские произведения. В сказках Некрасова, несомненно, развивается и его сатирический талант. Если в водевилях о сатире можно говорить только частично, то в сказках она присутствует явно. Это особенно заметно в шаржированном изображении царственных особ.

Водевилями и сказками ограничиваются первые опыты Некрасова в области детской литературы. Жизнь в петербургских трущобах, постоянная борьба за кусок хлеба, знакомство с идеями Белинского умножили социальный опыт поэта, помогли ему глубже осознать общественное зло самодержавно-крепостнической системы и обрушить против нее всю силу своего растущего таланта, выходящего на путь критического реализма. В связи с этим образы детей приобретают более резко выраженные социально-конкретные очертания: вместо условно исторических (Михайла Ломоносов) или безусловно схематических (Ваня, Федя, Анатолий), начиная с 1842 года, на страницах некрасовских произведений появляется целая галерея живых образов и судеб детей, современных автору, в основном, городских низов, что свидетельствует о дальнейшей демократизации симпатий поэта, о том, что тема детей прочно сливается с центральной линией

творчества Некрасова — с демократизмом и критическим реализмом.

В 40—50-е годы изображение эксплуатации и вырождения городских низов находится в центре внимания русской и европейской реалистической литературы (Гоголь, ранний Достоевский, Диккенс, Сю, Бальзак и др.). Некрасов, утверждающийся на позициях критического реализма, также обратился в пьесах, прозе и стихах к разоблачению узаконенного социального неравенства в капитализирующемся русском городе. Поэт, показавший невыносимую жизнь городских бедняков и их семей, видел три реальные пути для детей неимущих слоев: каторжный труд в «фабричной неволе» («Плач детей»), сиротство и нищенство (роман о Тихоне Тростникове, «Еду ли ночью...»), преступность, вызванную угрозой голодной смерти («Вор», «Убогая и нарядная»). Обнажение социальных причин страдания детей городской бедноты усиливало критическое начало в реализме в целом, способствовало революционизирующему воздействию произведений Некрасова на сознание и эмоции читателя. Несколь-ко позже Некрасов найдет и укажет еще один путь — путь гражданина, к деятельности которого нужно готовиться уже «с молодости ранней» («Мать», 1868).

Не сразу пришел Некрасов к признанию четкого и ясного пути для своих героев. Пойски поэта были неразрывно связаны с формированием его собственных гражданских и педагогических взглядов под непосредственным воздействием революционно-демократической идеологии. Наконец, Некрасов сам стал пропагандировать главным образом среди молодежи передовые, революционные идеи (поэмы «Саша», «Дедушка», стихотворения «Песня Еремужке», «Железная дорога», «Школьник», пьеса «Забракованные» и т. п.). Кроме того, Некрасовым затронуты проблемы семейного воспитания в рассказе «Двадцать пять рублей» (1841). В нем поднят очень важный вопрос — об ответственности родителей за судьбу детей. Поэт берет также под защиту обижаемых и обездоленных воспитателей и учителей (рецензия на «Путевые заметки» Т. Ч., образ Любской в «Мертвом озере» и др.).

Дальнейшее углубление реализма Некрасова частично выразилось и в обращении его к прозе и прозаической драматургии, которые давали возможность, может быть, не так ярко в худо-

жественном отношении, но более многосторонне и доступнее широкому читателю осветить уродливые стороны жизни, в том числе извращения в воспитании и обучении детей различных социальных групп. Такими материалами богат роман «Три страны света» (1849). Особенное внимание с точки зрения жизни ребенка обращают на себя драматический рассказ об учебе Граблина и сатирическая сценка занятий в доме мещанина Доможирова. Изображение «школьной братии», окружающей Граблина, отупляющей зубрежки, обличение всей педагогической системы царской России в романе, безусловно, предшествуют произведениям писателей-реалистов 60-х годов о бурсе и гимназии (Никитин, Помяловский, Свидницкий и др.). В лице Доможирова дан сатирический образ «воспитателя», «наставника» — типичного мещанина, который предшествует тем ограниченным воспитателям-обывателям, которые появятся в произведениях последующих десятилетий.

Пьеса «Забракованные» (1859) в идеологическом и эстетическом плане продолжает традиции 40-х годов, в ней в образах разночинцев Михаила Триумвиратова (сына дьячка) и Константина Харчина (сына уездного приказного) показывается поколение этой же эпохи, попавшее в условия мрачного семилетия. События, происходящие в пьесе, поистине трагичны. Полуголодное детство героев, каторжная жизнь в бурсе и семинарии из-за единственной надежды на поступление в университет, провал юношей на вступительных экзаменах, гибель одного и нравственное падение другого — все это невозможно уложить только в «юмористическую оправу» (Евгеньев-Максимов). Автор трагедии обвиняет весь строй в том, что при существующих методах воспитания («розгой или палкой»), личность, забитая и униженная, неизбежно деградирует, калечится до предела. А «над всем» народом непрерывно «господствует опасность хватить березовой лапши». Словом «всем» Некрасов намекает на то, что ужас расправы навис над каждым человеком, не имеющим власти или капитала в «век строгости какой-то небывалой», наступившей перед реформой 1861 года. Автор средствами сатиры изобличает политику царизма — не допустить к образованию разночинцев.

Часть II: «На пути к вершинам детской поэзии».¹

Главным вопросом, занимавшим Россию в 50—60-е годы XIX века, продолжал оставаться вопрос о крестьянстве. Писатели-реалисты этих десятилетий, руководствуясь принципами революционно-демократической эстетики, рисовали народную жизнь без прикрас, чем способствовали укреплению мысли о необходимости освобождения крестьянства, причем слово «крестьянство» чаще всего понималось тогда как синоним слова «народ».

Среди поэтов требованию максимального слияния литературы с жизнью наиболее неуклонно следовал Некрасов, доказавший, что для поэзии нет «низких тем». Поэтому «прозаическая» жизнь стала поэзией под пером Некрасова, за что Белинский еще ранее назвал его «истинным поэтом».

Представляя читателю русское крестьянство с энциклопедической широтой, Некрасов не мог не писать о тех Савосях, Гришухах и Власах, которым принадлежала немаловажная роль на «разночинском» этапе русского освободительного движения. В поле зрения Некрасова оказалась вся жизнь крестьянского ребенка, представленная его творчеством от рождения до совершеннолетия. Огромную любовь к детям поэт засвидетельствовал в самом светлом своем стихотворении «Крестьянские дети» (1861), употребив поэтическое мастерство на то, чтобы вызвать симпатии читателя к новому герою литературы — деревенскому ребенку. Этой цели Некрасов достигает различными художественными методами, в том числе уже упоминавшимся часто встречающимся приемом поэтической разработки образа, ранее созданного им в прозе. Особенно высокохудожественны подобные «переносы» в том случае, когда они связаны с жизнью юных героев поэта (шестилетняя Настя в романе «Тонкий человек» и «мужичок с ноготок» из стихотворения «Крестьянские дети» и т. п.).

Воспевая близость к природе, трудолюбие русского крестьянства, часто светлое течение детства в деревне, Некрасов, верный принципам критического реализма, в то же время ярки-

¹ Главы: «Дети русских крестьян в произведениях Некрасова», «Просветительские и педагогические взгляды Некрасова в 60—70-е годы», «Стиль, отвечающий теме» (о цикле стихотворений, посвященных русским детям).

ми художественными образами убеждает читателя, что сущность жизни крестьянина и его семьи определяют не эти стороны, а тяжкий подневольный труд, нищета, отупение, подчас жестокость, дикость и другие последствия вековой эксплуатации.

До писателей-разночинцев 40-х годов никто не показывал настоящих условий появления на свет будущего крестьянина, которое из-за преждевременных родов, антисанитарии и других следствий нищеты и темноты часто было трагичным. Впервые об этом в 1845 г. заявил представитель натуральной школы Григорович в повести «Деревня». Некрасов пошел еще дальше. Он обратил внимание читателя на факты рождения крестьянских детей в ненормальных условиях: на ступеньках губернаторской лестницы («Кому на Руси жить хорошо»), в разгар жатвы «под солнечным зноем» («Крестьянские дети») и пр. Этим поэт продолжил традицию, начатую передовой русской литературой еще в произведениях Новикова и Радищева, — обнажать условия, в которых новорожденному «сгнуться ничто не мешает», так как подневольный труд заставляет крестьян-родителей бросать младенцев без присмотра (Демидушка из «Кому на Руси жить хорошо» и др.). Некрасов вскрывает тем самым трагизм общероссийского явления, которое под разными углами зрения нашло свое отражение у многих писателей того времени («Бежин луг» Тургенева, «Сон» Шевченко, «Горпина» Марко Вовчок и т. п.).

Неоднократно Некрасов подчеркивал, что голодание было естественным состоянием крестьянина с детства. Поэтому он не случайно и в уста матери-крестьянки («Кому на Руси жить хорошо») вложил наиболее типичные, близкие к фольклорным тексты колыбельных («Голодная», «Соленая» и пр.). Больше всего тревожит поэта голодная жизнь нищенствующих сирот и солдатских детей, и он, представив это явление как социальное, находит читателя на серьезнейшие раздумья о его ненормальности и нетерпимости («Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо»).

У Некрасова многосторонне отображен труд крестьянских детей и его благотворное влияние на человеческую личность, особенно в процессе формирования характера. Однако писатель-реалист главное внимание уделяет не «нарядной», а «другой» стороне труда, остававшегося принудительным и непосильным. Огромный смысл заключен в короткой строке о жизни крестья-

нина: «Зато ему рано знакомы труды». К освещению вопроса о губительном воздействии преждевременного и поэтому непосильного труда на ребенка Некрасов подходит не только как реалист критического направления, но и как революционный демократ. Взгляды поэта на ранний детский труд раскрываются еще более убедительно при сравнении его многочисленных произведений на эту тему (в том числе и «Крестьянские дети») с рассказом другого реалиста, писателя И. С. Тургенева, «Бежин луг» (1851). Если Некрасов безоговорочно осуждает вынужденное использование труда малолетних детей и часто показывает трагический исход его, то Тургенев только любит романтикой «ночного», хотя и сам признает, что лишь Федя выехал в степь без нужды — для развлечения. Такой разный подход к близкой теме (пастухи у Тургенева и Карлуша, Волчек и другие у Некрасова) объясняется, прежде всего, идейными позициями художников — мужицкого демократа Некрасова и либерала-постепеновца Тургенева.

В ряде произведений Некрасов показал особую категорию крепостных крестьян — дворовых. Он убеждает читателя в том, что жизнь в барском доме была наиболее трудной и унижительной, особенно для крестьянских детей, попадавших в «мальчики» и «казачки» («Осенняя скука», «Деревенская скука», «Драматический отрывок без названия» и др.), отказывает господам в праве считать себя благодетелями взятых в дворню крестьян, тем более — малолетних.

Углубляясь в народную жизнь, познавая все новые стороны народного характера, Некрасов в 60—70-е годы окончательно пришел к убеждению, что талантливость, любознательность и революционность являются определяющими качествами русского народа. В указанный период формируются и прогрессируют революционно-демократические педагогические и просветительские взгляды поэта, нашедшие свое выражение в его программных произведениях. Если герой стихотворения «Школьник» был классическим обобщением стремления крестьянской молодежи к знаниям в 50-е годы, то образом разночинца Гриши Добросклонова Некрасов подходит вплотную к решению политической проблемы — изучения жизни народа и служения ему на втором этапе русского освободительного движения. В целом актуальнейшую проблему духовного развития молодежи 60—70-х

годов Некрасов решает образами любознательных, активных детей и их воспитателей.

Вначале Некрасов создает образ Саши («Саша», 1855), зарождение демократических симпатий которой возникло в процессе знакомства девочки с трудом земледельца, когда она поняла цену «пота и крови» крепостных крестьян. Поэт дает понять, что патриархальное воспитание, исходящее от добрых родителей Саши, непригодно в новых условиях. В «Песне Еремушке» (1858) размежевание двух систем воспитания, начатое в «Саше», выражено еще ярче, намечаются те «два пути», которые определятся окончательно в размышлениях Гриши Доброклонова.

Одним из важнейших элементов гражданского воспитания Некрасов считал труд и даже в невыносимо тяжелой работе находил не только отрицательные, но и положительные начала, прежде всего, создание всех материальных и духовных ценностей в мире. Огромные силы народные, проявившиеся в коллективном труде («Железная дорога»), позволяют поэту убеждать юного современника в том, что сплотившийся русский народ в конце концов «широкую, ясную грудью дорогу проложит себе». Эти слова оказались настолько прозорливыми, что через несколько десятилетий повторились почти буквально в пролетарской революционной песне Л. Радина: «В царство свободы дорогу грудью проложим себе». Наконец, в поэме «Дедушка» Некрасов с революционно-демократических позиций пропагандирует идеи освобожденного труда, способного творить «дивные дивы».

Так с определившимися революционно-демократическими убеждениями, в период наивысшего расцвета своего таланта, Некрасов снова обращается непосредственно к детям, на этот раз с целым большим циклом стихотворений, адресованных юным крестьянам. В этот цикл вошли «Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин» (1867), «Дедушка Мазай и зайцы», «Соловьи» (1870) и «Накануне светлого праздника» (1873). Вопреки близкой к правительственным кругам официальной литературе для детей (журналы «Лучи», «Семейные вечера», «Подснежник» этого времени), проповедовавшей покорность, религиозность, рисовавшей сентиментально-идиллические картинки из жизни демократических слоев общества, Некрасов в своем цикле показывает широкую и правдивую картину крестьянской жизни. С глубокими симпатиями к крестьянскому де-

тям Некрасов обращает внимание читателя на прекрасные качества их духовного мира: любовь к родной природе, к труду, любознательность, доброту и т. п. В лице крестьянских детей поэт открыл целый новый мир в русской литературе, который прогрессивные читатели встретили с восторгом.

Вполне понятно, что официально-охранительные круги не приняли некрасовской поэзии о деревне, игнорируя глубину ее реалистического содержания и делая вид, что не понимают ее. Устами некоего Н. Л-а из «СПб ведомостей» (№ 143, 1868) поэту было сделано очень многозначительное предупреждение: «сочинять стихи надобно поосторожнее». А в 1870 г. цензура после опубликования «Соловьев» упрекнула «Отечественные записки» за «вредное направление журнала». Так официальная Россия признала первые страницы большой русской поэзии для детей «вредными».

Цензура не ошиблась. «Вредные» мысли действительно присутствовали в стихах революционного демократа Некрасова. Вот — в «Дядюшке Якове» Кузя, Феклуша-сиротка, у которых нет средств не только на приятное, но и на самое необходимое. Правда, добрый дядюшка Яков «сжалился» — дал букварь Феклуше. Но автор наталкивал читателя на «вредные» размышления: а одни ли Феклуша и Кузя так бедны? почему? решает ли этот исключительный случай весь вопрос? Бесспорна «вредность» мыслей в «Генерале Топтыгине»: почему Некрасов заставил бедного зрителя принять медведя за генерала? В сознании воссоздавалась целая галерея маленьких людей от пушкинского Самсона Вырина. Наконец, в «Соловьях» — неожиданный выпад против самих основ самодержавия, выраженный в непосредственных социально-политических понятиях («рекрутчина», «подати»).

Некрасов добился и другого «вредного» воздействия на читателя: его стихотворения вызывали симпатии юных современников к крестьянам — охотнику Мазая, коробейнику Якову, ямщику Феде, к рабочим-сезонникам, к деревенской природе, что тоже шло вразрез с интересами правящих классов.

В цикле нельзя не заметить особое расположение текстов. Из трех стихотворений первой части, воссоздающих картины русской деревни, только одно, последнее, давало в ярко сатирической форме критику социальных верхов России («генерал»!). Во второй части цикла этот прием повторяется: карти-

ны весеннего половодья («Дедушка Мазай и зайцы») сменяются хорами курских соловьев. И вдруг в самом конце второго стихотворения — смелый протест против существующих порядков. Такой двукратный перенос материала с наибольшей идейной нагрузкой в конец группы произведений является обдуманым композиционным приемом автора: этим акцентировалось внимание читателя на социально острых моментах.

Некрасов предъявлял чрезвычайно высокие требования к художественному исполнению произведений, считая в них самым необходимым «стиль, отвечающий теме», в данном случае, соответствие всей совокупности поэтических средств возрастным и социальным особенностям массового читателя, идейной направленности и эмоциональности текстов для крестьянских детей в первую очередь.

В работе рассматриваются ориентированные на детское восприятие ритмы, пейзажи, речевые самохарактеристики, тропы и другие компоненты некрасовской поэзии, которые свидетельствуют о стремлении поэта к максимальной выразительности текста в целом, отдельных образов и картин. Причем Некрасов не создает какого-то специального детского языка, а преподносит читателю образцы общенародной речи, на примерах которой воспиталось много поколений русских читателей и поэтов, продолжателей некрасовских традиций.

Некрасов великолепно пользуется всем арсеналом техники стихописания: ритмом, стопой, величиной строки и т. п. для усиления выразительности создаваемого текста. Так, «Лесной царь» Жуковского и «Накануне светлого праздника» Некрасова имеют одинаковый ритмический строй, оба наполнены движением. Однако Некрасов достигает поразительного ощущения динамики, используя вместо одной длинной строки («Кто скачет, кто мчится под холодной мглой» у Жуковского) две коротких («Я ехал к Ростову/Высоким холмом»). Некрасовское расположение строк сохраняет и М. Светлов в своей стремительной «Гренаде», написанной тем же размером.

Пейзажи в произведениях Некрасова для детей созданы с учетом детской психологии, детских вкусов. Восприятие ребенка отличается большой конкретностью, и это было учтено Некрасовым. Лучшим примером конкретной образности пейзажа является начало стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы». Как и в других стихотворениях цикла, в нем все детали работают на

то, чтобы вызвать симпатии читателя к крестьянской жизни: и веселый дождь, и деревенька Мазая, и даже нелюбимый в народе сын, «рожки точены, рисованы очи» — все это полно поэзии, привлекательности. Чтобы не утомить внимания маленького читателя длинными пейзажными описаниями, задерживающими развитие действия, Некрасов применяет оригинальный прием создания картины природы из вклиненных в сюжет отдельных разрозненных деталей, которые собираются в воображении читателя в выразительные образы (вторая часть «Дедушки Мазая», «Генерал Топтыгин» и др.).

Огромную роль играет в стихотворениях цикла речь персонажей, построенная так, что каждого можно узнать по интонациям, характеру и способу выражения мыслей, словарю и пр. Речь пчеловода («Пчелы») выдает грамотного, зажиточного, верующего в доброго к нему бога, глубоко уважающего труд и практический ум, уверенного в завтрашнем дне мужика. Размер стихотворения — четырехстопный дактиль — прекрасно передает неторопливую, значительную, по поводу одной занимающей его темы речь. В противоположном ключе построен монолог матери-солдатки («Соловьи»). Что ни строка — новая тема для разговора, новая большая забота. Динамический ямбический стих помогает создать впечатление торопливости, озабоченности, занятости говорящей, у которой нет времени для разговора с детьми. Тонко выясняет Некрасов и образ мыслей этих двух героев. Если зажиточный пчеловод далек от какого-то социального раздумья, то мать троих детей заканчивает свой монолог неожиданной, но естественной и политически острой фразой о податях и рекрутчине. Манерой говорить и строем речи различаются балагуры Мазай и Яков. Задача Мазая — красочно и увлекательно повествовать, Якова — привлечь и уговорить на ходу. Соответственно, у первого буквально «рассказ в лицах» с представляемой мимикой, жестиком, шутками, богатством интонаций, сложными и спокойными фразами. У второго — торопливый зазывной крик, нередко с божбой и перебранкой, острой шуткой и прибауткой рекламного характера, каламбуrom и т. п.

Вся палитра художественных средств Некрасова направлена на то, чтобы поднимать духовный уровень деревенского читателя. Поэтому в его цикле объединились два встречных типа речевых явлений — народных и литературных (например:

«фуражка, как блин» и «прямые и светлые, как прутья стальные, в землю вонзались струи дождевые»). Тропы наполняют стихи Некрасова не ради звучности и внешней яркости. Они помогают раскрытию образов, прежде всего. Для старого балагура Мазая, например, характерны обстоятельные распространенные сравнения («тихо, как в церкви, когда отслужили службу...»), яркие и разнообразные сравнения в речи молодой крестьянки («Соловьи») свидетельствуют о ее богатом духовном мире и эмоциональности («там их, что в кузове груздей», «поют и свищут соловьи звончей и слаще хоровода» и т. п.), самое смелое и острое сравнение вложено в уста самого значительного героя — народа («Генерал Топтыгин»), который со смехом, на потеху говорит о высоком начальстве: «Генерал в санях ревет, как медведь в берлоге!». Такова же роль и эпитетов. Для торопливой речи вечно спешащего Якова это, в основном, краткие прилагательные («пряники редки», «сбоина макова, больно лакома»), для неторопливого степенного пчеловода типичны полные, длинные определения («работницы сердечные», «мы грешные», «человека хорошего»), в эмоциональной речи молодой крестьянки больше всего фольклорного материала («девицы красные», «гости залетные», «любей и краше»). Ту же функцию выполняют в речи автора и особенно в речи персонажей и метафоры, самые богатые в устах солдатки, отсутствующие полностью в монологе пчеловода.

Все это было блестящим выполнением заветов Белинского, чтобы поэзия воздействовала на маленьких читателей, «как музыка — прямо через сердце». Цикл детских стихов стал высшим образцом реалистических произведений, на которых читатели могли не только осознать, но и прочувствовать силу, красоту, богатство, гибкость и меткость русской речи, проникнуться истинным русским духом, усвоить общерусский народный язык. Об этом свидетельствует и работа самого Некрасова над словом (отбор, сокращения, выражения личного отношения и т. п.). Однако циклом стихотворений вклад Некрасова в русскую детскую литературу не ограничивается. Вклад этот дополняется десятками его произведений, рисующими картины русской природы, жизнь трудового народа и богатейший мир самих детей трудящихся. Все это с раннего детства любимым русским читателем.

Уже в 70-е годы XIX века благотворное воздействие некра-

совской музы сказались на передовых поэтах, и стихи для детей, отражающие в реалистическом плане наиболее волнующие темы деревенской жизни, пишут И. Суриков («Горе», «В ночном»), А. Плещеев («Старик», «Бабушка и внучек»), С. Дрожжин («Первая борозда»), Леся Украинка («На зеленому горбочку», «Літо краснее минуло»), И. Франко («Веснянки») и другие.

Таким образом, мы видим, что тема детей проходит через все творчество Некрасова. Это же мы наблюдаем и у многих его современников. Естественно, что названное явление не могло не быть связанным с реализмом в передовой литературе, так как именно реализм отвечал наиболее прогрессивным идейным и художественным стремлениям эпохи. Поэтому детская тема — не эпизоды, а целая система в творчестве Некрасова. Разрабатывая детскую тематику, Некрасов обогатил русский реализм освещением еще одной весьма существенной стороны жизни народа, которая до него почти не затрагивалась в русской литературе, — жизни детей демократической среды.

Содержание диссертации отражено в следующих работах:

Пьесы Н. А. Некрасова для детей, Доклады и сообщения на конференции Полтавского государственного пединститута им. В. Г. Короленко, Полтава, 1964, стр. 26—27.

Дети капиталистического города в творчестве Н. А. Некрасова, «Литература, жизнь, мастерство», Научные записки Полтавского пединститута, т. XIII, вып. 2, Полтава, 1962, стр. 41—55.

Изображение Н. А. Некрасовым труда детей в крепостной деревне, «Деякі питання мовознавства і літературознавства», Научные записки Киевского гос. пединститута им. А. М. Горького, т. XXXII, К., 1962, стр. 75—92.

Педагогические и просветительские взгляды Н. А. Некрасова, «Литература, жизнь, мастерство», Научные записки Полтавского пединститута, т. XIII, вып. 2, Полтава, 1962, стр. 56—63.

Некоторые особенности пейзажа в цикле стихотворений Н. А. Некрасова, посвященных русским детям, Ученые записки Пятигорского пединститута (кафедра литературы и русского языка), т. XXI, Пятигорск, 1960, стр. 3—16.

Речевая самохарактеристика персонажей в цикле стихов Н. А. Некрасова «Стихотворения, посвященные русским детям», Доклады и сообщения на конференции Полтавского пединститута, Полтава, 1965, стр. 26—27.

БЗ 05213. Подписано к печати 18.II-1969 г.
Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Объем 1,25 п. л. Зак. № 2445. Тираж 250.

Полтавская областная типография, ул. Котляревского, 38/40.

